

Дмитрий Шашков

Гражданские и военные

16+

Дмитрий Андреевич Шашков

Гражданские и военные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66243140

SelfPub; 2021

Аннотация

Война вероломно вторгается в жизнь гражданских людей и делает их военными...

Дмитрий Шашков

Гражданские и военные

«Не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть»

(Мф. 24:6)

I

Бух-ух-ух, – слышались тяжёлые шаги на лестнице, – бух-ух-ух, – всё ближе. Группа вооружённых мужчин подходят к двери в её квартиру; первый – здоровенный, бородатый – стучит прикладом: бух-ух-ух. Она металась по квартире как в западне – куда девать дочерей? – двух перепуганных девочек-подростков. Дочери и разбудили её – действительно перепуганные её криком во сне. Женщина встала перед окном, пытаясь прийти в себя, через крест наклейки на стекло скотча смотрела на многоэтажку напротив с пустыми прямоугольниками выбитых окон, и одним округлившимся окном – в которое на днях влетел снаряд. Вокруг него мелкие росчерки оставили осколки. Как вдруг опять – бух-ух-ух – это артиллерия!

– «Прилёты», гаубицы, в километре отсюда, – прокомментировала старшая, поднаторевшая за минувшие месяцы различать звуки стрельбы, чему способствовал прекрасный музыкальный слух – она с детства занималась музыкой. Они с сестрой не боялись обстрелов. После очередного арналёта часто смотрели в окно на опустевший город, на проносивши-

еся иногда посередине пустых улиц уазики санитарной службы, собиравшие после каждого обстрела урожай мертвых тел для переполненного морга. Однажды ночью видели в небе «белый фосфор»: огромная ярко-белая лилия повисла над домами, её исполинские лепестки медленно-медленно тянулись вниз, пока не достигли земли, подсветив чёрное небо заревом пожара.

– Нет, немедленно в подвал! – вдруг скомандовала мать, взглянув ещё раз на округлое «окно» дома напротив. У неё не было глупого бесстрашия подростков, она вспомнила, как неразорвавшиеся мины и снаряды торчат в асфальте – под углом – именно так они и влетают в окна квартир!

В подвале пахло сырым бетоном и человеческим страхом. Обсуждали главную новость: в ещё один дом нашего района был «прилёт», – раньше район считался относительно безопасным. По счастливой случайности обошлось без жертв – жильцы развороченной квартиры давно уехали. Зато во дворе, куда пришёлся ещё один снаряд, потом вертелся злоеущий уазик, – видимо, кого-то забирал.

Нет, долго сидеть в подвале и нюхать сырость и страх она не могла, да это и не нужно было – обстрелы заканчивались быстро, так же как внезапно начинались – те, кто стрелял, сами боялись получить в ответ снаряды, поэтому, сделав беглым огнём несколько выстрелов, спешили ретироваться. Точность им не требовалась – по городу невозможно не попасть.

Кроме того, была ещё одна причина вылезать из подвала: подступающий голод. Вскоре отчаянная беззаботность дочек сменится подавленностью и слезливой капризностью. Впрочем, перемены настроения у них всё чаще случались не только из-за голода, но и вовсе без видимой причины, и очень тревожили мать.

Вот пустая улица, только двое мужчин грузят в узик тяжёлый предмет – надо же было вылезти из подвала именно в этот момент!

Вот издалека слышится одинокий рёв мотора – по притихшему городу катит какая-то военная машина, по звуку можно следить за её приближением, он становится всё громче и меняет тембр, в зависимости от поворота машины к слушателям. Появляется, наконец, и сама машина, похожая на большую, грубо сработанную жестяную лодку с маленькой плоской башней и на узких гусеницах; верхом на ней сидит четверо человек военных, голова ещё одного торчит из-под брони спереди слева. «Лодка» резко тормозит рядом, задрав корму, оглушает рёвом.

– Садись, подвезём! – пытается перекричать машину голос с брони. Им не сложно было бы и самим пройти через два квартала до пункта выдачи «гуманитарки», чем лезть на вонющую жжёной соляжкой, замызганную грязью и чёрным отработанным маслом машину, да ещё бояться свалиться с неё на ходу. Но нет, дочери бойко лезут на броню, подхватываемые под локти руками военных, приходится и матери

лезть следом.

Едут молча, потому что за рёвом машины всё равно ничего не услышишь. Есть время рассмотреть друг друга. Военные разных возрастов, одеты во что попало – сочетание формы со спортивными штанами или кожаной курткой; зато все с оружием. Двое совсем молодых, кажется, чуть старше её дочек, смотрят весело и даже как будто гордо – довольные, наверное, своим новым статусом воинов и оружием в руках. Другие два в возрасте – один хмурится, может, вспоминает своих близких, которые также, наверное, сидят по подвалам и стоят в очередях за «гуманитаркой». Ещё один, кажется, совсем пожилой, маленький и со сморщенным старым лицом, смотрит внимательно и иногда слегка улыбается, грустно и ласково. Водителя только не разглядеть – один затылок в шлемофоне и дымок сигареты.

И вот машина резко тормозит, приехали. Вот и очередь печальных и подавленных людей, к которым им сейчас предстоит присоединиться. Спустившись с дочерьми с жёсткой, угловатой брони на землю, пытается сказать «спасибо», но голос тонет в надсадном рёве рванувшейся вперёд машины. Дочери весело машут вслед руками, военные тоже помахали в ответ, а ласковый и печальный старик улыбнулся матери и зачем-то подмигнул на прощанье.

А она вдруг вспомнила своего мужа – широкоплечего красавца спортсмена. Когда началась война, он бросил их и уехал, сказав: «Вам, бабам, ничего не будет, а меня мобили-

зуют те или другие. Я боюсь!»

II

В Москве, на многолюдной площади у метро плотный людской поток расступался, огибая сильно пьяного мужчину атлетического телосложения, который, потрясая огромными кулаками и уставившись перед собой невидящим взглядом, кричал:

– Я уж себя больше не пожалею!.. Пить буду!.. – а может, «бить буду»? Кто-то уже вызывал милицию.

Двое милиционеров, прибыв на вызов, не сразу решились действовать – уж очень здоровый. Но затем обошли пьяного сзади – благо он ничего не замечал вокруг, а только продолжал кричать и грозить кулаками невидимым противникам – и дружно набросившись, заломили руки. Это оказалось даже на удивление просто – расслабленное алкоголем тело гнулось словно гутаперчивое. Затем, впрочем, последовала вялая попытка вырваться, но старший милиционер, грузный лысеющий мужчина, легко пресёк её передней подножкой, после которой пьяный атлет рухнул лицом в асфальт как подкошенный, а старший милиционер, сидя на спине у поверженного и наслаждаясь победой, застегнул наручники у него за спиной. Затем они вдвоём с молодым напарником подняли его на ноги. На месте состоялся краткий досмотр – документы были на месте:

– Так-так, гастарбайтер с просроченной миграционкой! Завтра совершенно бесплатно поедешь... – милиционер хо-

тел иронично сказать «домой», но осёкся, увидев в паспорте место жительства, – дома у задержанного была война, о которой вот уже полгода говори по телевизору.

В отделении состоялся более подробный обыск с допросом:

– Употреблял что?

– Водку.

– А ещё?

– Пиво.

– А кроме алкоголя?

– Ничего.

– Живёшь где?

– В общежитии... Раньше, пока не выгнали.

– А потом?

– Где придётся... Не помню.

– Давно в запое?

– Не помню.

– А пьёшь на что?

– На последнюю зарплату сначала, пока не кончилась...

– А потом?

– Потом не помню.

– Употреблял что?

– Водку с пивом, я ж говорю.

Задержанный стоял посреди комнаты перед столом, словно пленный казак, широко расставив ноги и глядя исподлобья, со скованными за спиной руками, отвечал резко. Кровь с

разбитого об асфальт лба расплзлась пятнами на разорванном вороте рубахи, оставила запёкшиеся капли на широкой груди, на мускулистом торсе. Тут в разговор вступил молодой милиционер:

– Спортом, наверно, занимался?

– Да, бодибилдингом и пауэрлифтингом.

– Там у себя?

– Да. И бизнес свой был, неплохой...

– А потом что?

– Потом война началась.

– Пришлось всё бросить и уехать?

– Бизнес рухнул... сразу... – задержанный вдруг стал говорить намного медленнее, – какая там торговля во время обстрелов... А вообще, я собираюсь... Теперь собираюсь в ополчение!.. Так что отправляйте скорее!

– А семья есть?

– Семья... есть... Жена и две дочки... Там!

– Что ж ты их там оставил, а сам сюда свалил?

Задержанный вдруг сел, где стоял, на пол и заплакал. Милиционеры удивлённо переглянулись:

– В камеру его, пусть проспится.

На блокпосту где-то между Донецком и Луганском скучал ночью на посту молодой тощий парнишка с автоматом. Зябкий промозглый ветер поздней осени заставлял его прятаться за бетонными блоками и мешками с песком, кутаться в тя-

жёлтый бесформенный бушлат с поднятым воротником. Бушлат неплохо защищал от холода и ветра, однако в качестве штанов на парнишке были «треники» от спортивного костюма, которые жестоко продувались ветром, а попросить у командира найти для него штаны потеплее он стеснялся, – вот и приходилось теперь прятаться от ветра, вместо того чтобы внимательно следить за подступами к посту. Он знал, что всё равно ничего не случится, – столько уже было этих ночных караулов, когда сначала прислушиваешься к каждому шороху, не крадутся ли диверсанты? Но раз за разом ничего не происходило. Да и товарищ, которого он сменил на посту, мужик взрослый и воевавший, вообще, кажется, задремал в ожидании смены, а потом флегматично заметил, мол, надо будет пристрелить, пристрелят всё равно. Так зачем мёрзнуть?..

Но нет, это не обычной шорох, это шаги – не командир ли решил посты проверить? – парнишка резко шагнул из-за блоков и почти столкнулся со здоровенным незнакомым мужиком.

– Стой... – только и смог выдать часовой, тихо и совсем не убедительно, – ты зачем... ты что тут делаешь?..

Мужик уставился на него в упор и, дохнув перегаром, сказал:

– Дай автомат! – и вцепившись огромными ручищами в автомат, притянул его к себе вместе с парнишкой, – дай автомат, а лучше, гранату! Пойду к укропам на блокпост, тут

недалеко, подорву их и себя! Я теперь ничего не боюсь! Бить буду гадов!

– Ты что, рехнулся, ты что, нельзя! – лепетал парнишка, а огромный мужик всё пытался отодрать его от автомата, толкая одной рукой парня в грудь, другой тянул на себя автомат, висевший у того на груди. В какой-то момент стало больно и часовой сдавленно застонал, в глазах потемнело от нехватки воздуха, рёбра, кажется, вот-вот должны были разом все хрустнуть...

Спасение пришло также неожиданно, как опасность. Из-за блоков вынырнул бесшумно, словно тень, коренастый мужичок с карабином в руках. Этим карабином, красивым деревянным прикладом он сильно ударил пьяного громилу по затылку, и тот упал, как мешок, без сознания, уронив за собой на землю парнишку. Потом потребовалось с минуту времени, чтобы разжать бесчувственные пальцы и освободить пострадавшего часового.

– Почему не стрелял? – рявкнул на него коренастый мужичок, но видя, что тот буквально трясётся от пережитого ужаса и только стучит зубами, смягчился и крепко его обнял, – всё нормально, не бойсь!..

Мужичок нащупал у него в нагрудном кармане рацию, вытащил её и, нажав большую кнопку, сказал:

– Командир, тут нарушителя задержали, на часового напал! Да! Ну, я его прикладом успокоил. Давай сюда пару человек, отгрузить его на подвал, уж дюже здоровый!..

– Роботы, подъём!

Просыпаться было страшно тяжело, голова раскалывалась и трещала от похмелья и от вчерашнего удара прикладом. И что это за идиотская фраза?

– Роботы, подъём! Роботы работают, пока нормальные пациенты службу несут!

Вот кто-то уже толкает его, будет, даже поднимает.

– Вставай, вставай, это Змей, самый злой из них. Хуже будет...

Поднявшись и продрав глаза, он обнаружил себя в большом подвале, с ним рядом были ещё трое совершенно пропитого вида мужиков, которые смотрели в одну сторону. Там, куда они смотрели, стоял красивый рослый парень в новенькой аккуратной форме с наглыми глазами и бейсбольной битой в руках, и весь его вид показывал, что он только и ждёт повода её применить.

– Напра... во! – скомандовал парень, и все четверо, стараясь выполнить команду максимально чётко, повернулись направо, – шагом... марш!

Пасмурное осеннее небо показалось после подвала почти ослепительным, а влажный холодный воздух действовал отрезвляюще. Блокпост представлял собой нехитрые укрепления из мешков с песком по обе стороны дороги, здание бывшего сельского клуба, оконные проемы которого также заполняли почти до самого верха мешки, и ещё пара пустых

полуразрушенных строений, подвалы которых использовались один как склад, другой, из которого они и вылезли, для содержания «роботов». Работа для «роботов» состояла в постройке из мешков с песком укреплений вокруг блокпоста. Двое насыпали лопатой в мешки песок, двое относили их и выкладывали из них стену, потом пары менялись. За работой можно было и поговорить. Напарником его оказался худой мужик с щербатым ртом и татуированными пальцами.

– Как звать-то? – спросил он

– Петя.

– Ну и влип же ты, Петя! Это же надо было на караульного на посту напасть! Странно, что они тебя вообще на месте не пристрелили!

– А ты за что попал?

– Да я не за что... Мы с мужиками ночью пьяненькие гуляли. Ну, комендантский час, сам понимаешь...

– А!

– Ты с луны свалился?

– Да я только вернулся, на стройке в Москве работал.

– Понятно.

– И что теперь? Долго тут срок мотать?

– Да нам-то недолго, через пару дней новых поймают, нас отпустят, а тебе – не знаю...

III

На пустынные улицы Донецка опустилась очередная тревожная ночь. Почти совершенная, ввиду отсутствия машин

и прохожих, тишина то и дело разрывалась «прилетами» снарядов, иногда продолжительными канонадами взрывов ракет «града» или характерным оглушительным треском касетных боеприпасов «ураганов». Эта, как и любая другая ночь ставила перед одинокой матерью ставший рутинным вопрос, где лучше ночевать, – в относительно безопасной сырости и тесноте подвала или в своей относительно комфортной квартире? Логически казалась правильным выбрать в пользу безопасности и пренебречь удобствами, тем более, что она отвечала за детей, однако именно детей и было каждый раз непреодолимо трудно затащить в подвал, тем более, что и ей самой подвал был глубоко отвратителен. Сегодняшнюю ночь они опять проводили дома. В своей опустевшей постели она, в первую очередь, старалась не думать о муже, и кроме того, не оставляла попыток разобраться в себе. В очередной долгий час без сна на измятой постели она вдруг как будто поняла, что ее больше всего угнетает – однообразие и вынужденное безделье. Даже обстрелы стали теперь привычными и превратились в часть рутины. А ведь когда-то у нее было множество дел – она помогала мужу в его бизнесе, занимаясь финансовой отчетностью, дочерям – со школой, музыкой и танцами; у нее было множество подруг, родственников и знакомых, и каждому надо было уделить время. Теперь все либо разъехались, бежав от войны – кому было, куда бежать, – другие как-то замолчали, потеряв интерес к ней, а она к ним. «Всё смыло потоком великой беды» – где она

слышала эту фразу?..

Но теперь надо непременно взять себя в руки! Дети хотя бы ходят в школу, и ей надо чем-то заняться! И ведь работают же школы! Жизнь продолжается, несмотря ни на что, это она выпала из жизни! И чтоб вернуться к жизни, первое, что нужно сделать, найти работу, с работой появятся и новые знакомства, и всё остальное. Найти работу сейчас можно известно где – у военных – в полумёртвом городе, кажется, только у них и бурлит жизнь! У них и она найдёт себе место – везде есть своя документация, и везде ее нужно кому-нибудь вести, и военные тут, очевидно, не исключение. С этими мыслями она неожиданно для себя заснула сном крепким и почти спокойным.

Обычно тягостное одинокое утро было сегодня совсем другим, полным планов и пока невнятных надежд. Выйдя из дома, она направилась к ближайшей воинской части, что располагалась в пятнадцати минутах езды на троллейбусе. Ей было немного страшно, что не примут, – но не более того.

Поверх высоких железных ворот выглянула голова военнослужащего и вопросительно кивнула ей. Никаких «стой, кто идёт», как она это себе, почему-то, представляла.

– Я к вам... – начала она и задумалась, как закончить фразу, «на работу страиваться»? Или, скорее, «на службу»? Но военнослужащий, кивнув утвердительно, уже звонил куда-то, вращая ручку старинного телефонного аппарата, ка-

кие она видела, кажется, в фильмах – и где они только такой взяли?

Через пару минут к ней вышел через калитку в воротах ещё один военный, подтянутый и бодрый, в аккуратной форме, и глядя на неё внимательно, спросил:

– К нам, что ли?

– Да... С документами могу работать, бухгалтерская отчётность, всё такое, – выпалила она неожиданно для себя бойко, словно заразившись от него бодростью, – нужно?

– Конечно, пошли, – и жестом пригласил её заходить, – и документы, и бухгалтерия, и отчётность, – всё есть! Как только случилась передышка в войне, сразу появилось море бумажной работы... Вообще, армию с нуля делаем, «на коленке», – шутка ли! Рабочие руки нужны, в том числе и для бумажной работы. Пишешь грамотно? Компьютером пользуешься?

– Конечно! – удивившись таким вопросам, подтвердила она. Всё оказалось так неожиданно просто! Несколько смутила только фраза, про «передышку в войне», – как ей казалась, обстрелы, как были, так и продолжались...

– Как звать-то?

– Светлана.

Офицер завел ее в небольшую комнату на первом этаже, где ее встретили две девушки.

– Поступаешь под командование Рыси, – официально заявил он, указав на одну из них. Света заулыбалась, сдержи-

вая смех, она слышала, конечно, что ополченцы используют позывные, но сейчас ей это показалось так неожиданно и даже несколько нелепо, зато забавно. Рысь, миниатюрная симпатичная девушка, конечно, в форме, с двумя маленькими звездочками друг над другом на погонах, тоже заулыбалась ей в ответ. Другую ее новую товарку звали не менее воинственно – Валькирия. Света вспомнила, как ее дочери одно время увлекались скандинавской тематикой в связи с, кажется, какой-то молодёжной субкультурой, и неприятно почувствовала, насколько она старше своих новых коллег. Впрочем, в дальнейшем общении она почти сразу про это забыла; здесь вообще на возраст обращали мало внимания, больше на продолжительность службы и на звания, с которыми Свете еще только предстояло познакомиться. Рысь тем временем вводила ее в курс дела.

– Займешься пока оформлением военников, военных билетов, сейчас наше ополчение постепенно становится официальной армией, поэтому всем теперь заводят военники, так что работы много. На днях как раз фотограф приезжал, сделал кучу фотографий бойцов, будешь их клеивать и заполнять всё что нужно; что писать, я скажу. И тебе тоже военник заведем. Как звать-то?

– Света.

– А позывной?

– Не знаю, – заулыбалась опять Света, – не придумала ещё? Может, как-нибудь потом? Так обязательно?

– Да нет, конечно. Это у мужиков, когда десяток Саш или Сереж на батальон, без позывных запутаешься, а Света у нас всё равно одна.

Она получила новенькую форму, и казалась сама себе, что выглядит в ней странно и дико. Раньше, конечно, и представить не могла, что будет её носить. Тем не менее, облачение в форму настроило её на рабочий лад и как будто даже включило сразу в коллектив. К концу рабочего дня Света уже знала, что их небольшой коллектив военных обоего пола называется звучно и значительно «штаб батальона», а также, её научили немного различать погоны, которые, как ей сначала показалось, имеют здесь прямо-таки сакральный смысл. Впрочем, её непосвященность в вопросы военной иерархии воспринята была командирами с улыбкой. Вообще, она сразу заметила снисходительно-добродушное отношение этих мужчин со звёздами на погонах к женщинам, вроде неё, которые вели их бумажные дела. Крайняя патриархальность армейской жизни её ничуть не обидела, она поняла, что как раз это и ожидала здесь увидеть; зато «патриархальность» оказалась намного более добродушным явлением, чем ей представлялось ранее.

Когда первый рабочий день подходил к концу, ей казалось, что жизнь её теперь вошла в какое-то новое размеренное русло – с новой спокойной работой, очень похожей на офисную, разве что в причудливой пятнисто-зелёной одежде

и этими таинственными погонами. Даже периодические обстрелы здесь слышались как будто тише, а может, она просто меньше обращала на них внимания за работой или общением с новыми коллегами.

Но конец рабочего дня всё же приготовил ей ещё один сюрприз, которого она вовсе не могла ожидать. Она увидела мужчину, молодого и властного, он зашёл всего на минутку к ним отдать какие-то распоряжения другим офицерам, и окинул сидящих за бумагами и компьютерами женщин взглядом ласковым и таким спокойным, что ей показалось, именно с ним и только с ним она обретёт давно потерянную уверенность в себе и в жизни, покой и радость.

IV

На недостроенной низкой стене из мешков с песком сидели четыре усталых человека и курили по очереди одну на всех сигарету, передавая её друг другу негнущимися пальцами. Змей, наконец, куда-то ушел, пресытившись, должно быть, своей властью, и теперь им можно было вдоволь отдохнуть. За себя он, правда, оставил того самого паренька в бушлате и трениках, громко распорядившись сторожить «роботов» и стрелять в случае чего без предупреждения, но тот интереса к ним не проявлял, а сидел в сторонке, уткнувшись в телефон, а автомат мирно лежал у него на коленях, словно диковинное домашнее животное.

– От такой работы и сдохнуть недолго, – сказал Петя, чтоб завязать разговор. Когда-то он не курил, а теперь с жадно-

стью затягивался их единственной сигаретой, с отломанным наполовину для крепости фильтром.

– Э-э, жизни ты не видал! – протянул его худой напарник, – знаешь как, бывало, с кентами на зоне, и не такое бывало!

– А что бывало-то?

– Да всякое бывало... А ты, значит, хорошо жил до войны?

– Да не жалуюсь...

Разговор всё ещё не получался, когда из одноэтажного здания бывшего сельского клуба, используемого теперь как расположение, показалась невысокая коренастая фигура с карабином за спиной.

– А-а, дядя Женя идёт! – прокомментировал Худой, – смотри Саня, – зашептал он заговорчески пареньку с телефоном, – возьми автомат в руки, а то опять скажут, что спишь на посту.

– Да я и не спал! – резко ответил вдруг Саня, гневно взглянув на Худого, а затем и на Петю.

– Не спал-то, не спал, – отечески поддержал его подошедший дядя Женя, – а всё же нарушителя прошляпил... А ты что на наших бойцов кидаешься? – неожиданно обратился он к Пете, – может ты за укропов? Диверсант?

– Какой же я за укропов?! – опешил Петя, – да я их крошить буду, только автомат дайте!

– Да много ты их с автомата накрошишь...

– У него, дядь Жень, – вступился неожиданно Худой, – до войны, знаешь, какая жизнь была! А всё из-за укропов развалилось. Он их теперь зубами рвать готов, не то что автоматом!

– Ну а чего ж тогда, – дядя Женья теперь пристально смотрел на Петю, – чего ж в ополчение не пошёл?

– Да я готов, хоть сейчас, вы не берёте!

– Сейчас-то ты готов, а война уже полгода как идёт.

– Я раньше это... – замаялся Петя, – я сейчас зато готов!

Кровью смыть!

– А кровью, Петь, не надо, и так много её очень... Ладно, поработаешь пока, а там, может, командир тебя и правда примет, мы вот с Саней, может, его даже потом попросим, да, Саш?

– Да запросто! – подтвердил Саня, – такой здоровый нам нужен, – взглянул он на Петю, – покемона ему дадим!

– Что?! – не понял Петя.

– Пэ-ка-эм, – засмеялся Саня, – пулемёт, короче...

V

Среди непривычной ей пока военной ритуалистики центральное место занимал продолжительный обряд, совершавшийся каждое утро, – построение. И этот обряд ей нравился исключительно, потому что благодаря этому ритуалу она каждое утро могла видеть его, своего командира. Он, как она сразу поняла, был в их батальоне одним из самых главных, потому что часто именно он организовывал утреннее

построение батальона и церемонно докладывал перед строем прибывшему комбату: «Батальон для проведения развода построен» и что-то там ещё, что положено. В такие моменты она могла любоваться им не таясь – он был перед строем и сотни глаз были устремлены на него и на комбата, но последнего она видела реже, и он её мало интересовал. Её вообще теперь никто особенно не интересовал – всех затмил новый герой её сердца.

Ей и среди дня нередко удавалось полюбоваться им – он всегда был в гуще дел и в кипучей деятельности! Более того, казалось, он и организывает любое дело! Вот прибыл гружёный «Урал» с продуктами для столовой, или материалами, запчастями, боеприпасами, или ещё каким-нибудь добром. Её герой организывает разгрузку. Быстро, чётко отдаёт приказы как из-под земли появившимся рядом с ним солдатам, собранным, так же молниеносно, от разных рот и отдельных взводов... Огромный грузовик оказывается такой малостью! Кузов его пустел, казалось, моментально, и военные уже принимались за следующее дело.

Он стремился, чтобы всё было идеально – и боевая и строевая подготовка личного состава, и внешний вид и обустройство расположения их батальона. И у него всё получалось идеально, так же как идеально сидела на нём военная форма, подчёркивающая статную фигуру. Она вскоре узнала, что он один из немногих в их подразделении профессиональных офицеров, выпускник какого-то особенно престижного во-

енного училища, в которых она, конечно, не разбиралась, но само название того училища навевало неясную, но восторженную память об офицерах и, почему-то, поэтах прежних дней, о героях и победах давних времён, «когда был мир ещё пышней»!

Встретившись с ним случайно где-нибудь в коридоре или столовой, она не могла подавить волнения и не знала, как себя вести, хотя сразу решила не скрывать своих чувств – ведь для этого, вроде бы, не было оснований – однако служебная пропасть между ними казалась слишком велика и законы военной субординации были для неё строгими и непонятными. И тогда как-то утром он заговорил с ней сам:

– Свет! – откуда он только знал её имя! И так неофициально, без «товарищ такая-то»! – поедешь сегодня с нами в поле, нужно будет помочь.

Она радостно закивала, и хотела ответить «по форме», как её успели научить товарки: «Так точно, товарищ...», но замялась, а он заулыбался, внимательно глядя на неё светлыми глазами, сказал:

– Можно просто Андрей.

Не очень понимая, куда это «в поле», и не поинтересовавшись, что там ей нужно будет делать, она была просто счастлива. С ним – хоть на край света! Теперь она уже позволяла себе помечтать о том, что для её дочек не найти ведь лучшего отца, взамен того, за которого она когда-то так рано вышла замуж...

На дороге перед частью выстроилась, ревя моторами, колонна тех самых уродливых военных машин, напоминающих лодки, возглавлял которую «Урал» с кунгом, называвшемся, как она уже знала, ка-шэ-эм. В нём, в относительном комфорте, расположились трое: она, её герой и ещё один офицер в летах, отвечавший, как она знала, за связь. Дорогой офицеры беседовали, в основном, между собой всё больше о войне и политике, иногда спрашивая и её мнения, наверное, больше из вежливости... «В поле» начались учения – машины, двигаясь сначала колоннами, разбивались потом на группы по три, перестраивались, обстреливали мишени, из машин высаживалась пехота, двигаясь за ними, тоже стреляя куда-то. Он же, её герой, вооружившись радиостанцией и надев гарнитуру, организовывал все эти слаженные действия гусеничных бронемашин, бороздивших поля и по команде проламывающихся сквозь лесопосадки, словно исполняя в зимнем поле какой-то замысловатый мрачный танец больших машин и маленьких на их фоне людей в форме.

После этой «танцевальной программы» был перерыв: машины, вернувшись, выстроились в колонны, словно отдыхая, с ними бок о бок отдыхали люди. Из части приехал ещё один «Урал», привёз зелёные военные термосы с обедом, распределил их по колоннам. И тогда пожилой офицер ушёл из кунга к машинам, налаживать кому-то связь.

Их, недолгий, в общем-то, разговор с глазу на глаз она

помнила потом всю жизнь. Теперь она была полна надежды на новое счастье, хотя ничего определённого сказано, вроде бы, не было...

– Давай дружить, – ласково заключил он.

VI

– Пэ-ка-эм машина серьёзная, это тебе не с автоматом бегать, – поучал дядя Женья нового бойца, уже не «робота», – вот тут сверху открываешь крышку, закладываешь ленту. Вот коробка для лент, бывают на сто и на двести пятьдесят. В ленты будешь заряжать каждый четвёртый трассер – вот они, с зелёными мысками, – чтобы ночью видеть, куда летит...

– Да и вовсе он не тяжёлый, – довольно сказал Петя, перехватывая пулемёт в одну руку и лихо закидывая на плечо, – всего-то килограмм десять!

– Ну, это пока не тяжёлый, полазаешь с ним сутки к ряду, побегашь... Плюс запасной ствол, плюс бэ-ка.

– Что?

– Что «что»? Боекомплект.

– А.

Пете предстояло заступать в караул, а на другой пост заступал Худой, тоже попросившийся в ополчение. Петя с удовольствием отметил, что его командир принял охотно, без колебаний, в отличие от Худого, доверил пулемёт и поставил на самый видный пост, на дороге, Худого же поместил позади здания бывшего клуба, на пост, наблюдающий за полем.

– Мы на тебя ещё и броник наденем, – улыбался Саня.

– Давай, конечно! И гранат побольше!

– Да нет, с гранатами пока подождём, – остановил его дядя Женя, – подорвёшься ещё чего доброго...

– Подорваться готов только вместе с укропами, – парировал Петя.

– Ладно, ладно, герой!.. Заступление в караул – дело само по себе серьезное. Это тебе впервой – в армии, я как понял, ты не служил – так что слушай лучше внимательно. Ставим тебя пока днём на дороге – это наш самый приятный пост, потому что днём тут не скучно – тормозишь проезжающих гражданских и досматриваешь машины. Ничего особенного не требуется, просто заглядываешь в салон, просишь открыть багажник, чтобы там оружия не было. Если грузовая – в кузов, обязательно! Там целый миномёт можно провести, причём собранный... Вообще, все относятся с пониманием, то есть нормальные гражданские, так что если кто упирается, можешь считать, диверсант. Ну, впрочем, так в открытую они, понятно, не поедут, потому что знают, что мы смотрим, поэтому надо смотреть. Понял?

Петя призадумался, понял ли он эту аргументацию.

– Военная логика, привыкай, – заулыбался дядя Женя, – самое смешное, что это работает!

Первый караул проходил для Пети бодро и весело. Он наслаждался своим новым статусом военного.

– Ага, в салоне ничего. Теперь багажник открывайте!

Гражданские вели себя по-разному. Некоторые, не гово-

рили ни слова, робко поглядывали на пулемет, спешили выполнить всё, что скажет Петя. Причем Петя не мог понять, чего они так боятся, – неужели думают, что он начнет в них стрелять? А может, это и есть диверсанты – им есть, что скрывать, вот и боятся? И Петя досматривал тщательнее.

Другие были разговорчивые и приветливые. Говорили, в основном, про политику и, особенно женщины, хвалили: «молодцы ребята, что вы нас защищаете». Это было очень приятно слышать! Предлагали сигареты, приносили даже домашнюю снедь, хотя Петя давно заметил, что на блокпосту и так ни в чем нет недостатка.

Третьи были угрюмы и искали сочувствия. «Когда же всё это кончится?» «Вы-то, ребят, хоть знаете, скоро ли войне конец?». Откуда же Петя мог это знать? Но ему хотелось, чтобы не очень скоро – надо еще успеть отличиться... Чтобы явиться потом к Светке и дочерям при параде, в орденах...

– Броник затяни на поясе, легче будет, – сказал появившийся вдруг у него за спиной Саня.

– Да для меня он и так пушинка, – весело отозвался Петя, хотя поясницу действительно уже поламывало.

– Да ты в нем и с покемоном просто Шварценеггером выглядишь! Дай сигаретку, небойсь надавали уже?

– Да-да, конечно, держи пачку. Тебе какие?

– Давай эти.

– О, братан, а ты опять стал богатый, я ж говорил, – появился вдруг тут же и Худой, – и погремуха теперь «Шварц»

будет, тебе идёт! Во! Только меня, брат, не забывай. Мне любые, лишь бы дым пускали!

– Держи-держи. А ты что не на посту?

– Да не гони, нормально всё. Мне ж тоже волыну дали, – Худой похлопал по автомату, – значит, я тоже теперь свой, ополченец!

Его логики Петя даже не пытался понять...

VII

Отдельный разведвзвод собирался на боевые. Бойцы, выстроившись на плацу и выслушав боевую задачу, повязывали теперь полоски бинтов или ветоши на руки и ноги, для опознания друг друга, подтягивали поудобнее ремешки разгрузок, вкручивали запалы в гранаты. Выдвигаться предполагалось в кузове «Газельки», для неприметности. Дальше, на передовой, предстояло спешиться, скрытно приблизиться к позициям противника, выяснить приблизительную численность живой силы и количество бронетехники, особенно, танков. Подобные задания они выполняли нередко, однако теперь было неожиданное новшество: с ними на задание пойдёт один из старших офицеров, Андрей. Не вполне понимая, зачем такому большому чину, в звании майора, лазить с ними по полям, бойцы, однако, одобрительно поглядывали, как он готовится разделить их работу: подтянул ремешки разгрузки, плотно обхватившей его мощную фигуру, разложил по многочисленным карманам магазины и гранаты, повесил на грудь бинокль, затем автомат с двумя смотанными

скотчем магазинами и подствольником и, наконец, закинул за плечи внушительный тубус реактивного огнемёта. Кто-то хотел пошутить между своих, мол, может, ему ещё пулемёт дать, но не решился. Всё же желание быть непременно «на передке» вызывало уважение. Только один военнослужащий был недоволен – командир разведвзвода, но сказать, конечно, ничего не мог.

А из окон штаба за ними наблюдала пара глаз, полных восхищения и затаённой тревоги. Свете вдруг стало жаль, что она не умеет читать молитвы. Она бы прочитала сейчас какую-нибудь молитву за воина, отправляющегося в поход. Есть же, наверняка, такая молитва! Она даже хотела поискать в интернете, но её отвлекла работа. «Всё будет хорошо! – подумала Света, – вон он, какой богатырь!»

Бойцы тем временем залезли в низкий кузов и закрыли над собой тент. «Газелька» заворчала старым мотором и затряслась по разбитой дороге, а Света углубилась в работу, чтобы быстрее пролетело тревожное время ожидания.

Водитель машины сидел в кабине один и в гражданской одежде – опять же для маскировки их выдвижения. Прибыв в нужное место, он загнал машину в лесополосу, заскрипел ручником и вылез из кабины. Бойцы молча спешили и пошли сначала гуськом вглубь посадки, вслед за рослой фигурой с зелёным тубусом за спиной, на ходу распределяясь попарно. Водитель закрыл кузов, накинул тент и, задумчиво проводив их взглядом, уехал.

Шли затем довольно долго парами, огибая открытые пространства и слишком густые заросли. Первой парой шли, конечно, двое офицеров, когда младший по званию заговорил:

– Товарищ майор, мы тут на передке, разрешите без формальностей.

– Да, конечно, валяй, – ответил Андрей подчёркнуто дружелюбно.

– Вы нас так прям к укропам заведёте!

– По нашим картам, до них тут не менее двух-трёх километров.

– Но карты, сами понимаете...

– Так мы здесь как раз для того, чтобы уточнить карты!

– Всё равно, дальше посадки кончаются, мы можем уже оказаться у них в прямой видимости. Вы же знаете, у них там полно снайперов из западных ЧВК с крупнокалиберными винтовками, уверенно работают на два километра и даже больше. Кроме того, посадки на передке, как правило, минированы обеими сторонами, тут какие хочешь мины, растяжки, «лепестки»... – и он подал жестом команду взводу остановиться и занять круговую оборону. Бойцы послушно расходились парами в разные стороны, а Андрей смотрел на него внимательно и удивлённо.

– Почему вы взяли командование на себя, товарищ лейтенант? И почему отказываетесь выполнять боевую задачу?

– Товарищ майор, не отказываюсь! Просто глупо лезть туда всем взводом. Как прикажете, сходить мне или послать

одного из бойцов?

Андрей окинул взглядом бойцов, расположившихся вокруг на местности – видно было всех до одного. Затем взглянул на лейтенанта, тот потупил взгляд и теребил пальцами предохранитель автомата.

– Я сам схожу, – ответил Андрей.

Майор двигался теперь вперед по реденькой лесополосе в одиночестве, оставив за спиною залегших бойцов и их лейтенанта. Всё же Андрей остался собой доволен – бойцы не знали, что это, на самом деле, его первый боевой выход – но он не только не позволит запятнать честь мундира, но и возьмёт на себя основной риск. Лейтенант по-своему прав, опасаясь за бойцов – их тут никто ничему толком не учил... А всё же, как громко слышен здесь каждый шаг! Невозможно идти по лесополосе бесшумно!.. Но вот растительность редееет, теперь можно будет рассмотреть что-то в бинокль. Но нет, там, оказывается, ещё небольшое поле, за ним опять посадка, – может быть, из неё будет видно? Огибая поле понад посадкой, попробовал углубиться в неё, но нет, густой бурелом, опять в обход, далее сквозь неё, опять поле, и опять ничего толком не видно! Снова обходить, пробираться, стараясь не шуметь, хотя куда там...

Так он продвигался всё дальше, петляя по незнакомым посадкам, между деревьев без листвы, реденьких кустарников и густых буреломов, оставленных попаданием снаря-

дов, а кое-где проходом техники, ломившейся здесь когда-то сквозь лесополосу. Вот здесь, похоже, раньше танк прошёл, тут БМП, там, понятно, несколько снарядов легло.

Ноги в новеньких берцах ступали по палой листве, хрустели мелкими ветками, и вот одна вдруг потащила за собой тонкую проволоку. Зло хлопнул запал гранаты, Андрей быстро залег, прижавшись к земле всем телом и головой, и озираясь одними глазами. Три секунды падали в вечность бесконечно долго! Если она, граната, может быть, где-то на земле, за каким-нибудь бугорком, может и пронесёт? Но нет, вот он видит её в ветвях, у себя над головой.

– Господи, помилуй меня грешного!

VIII

Петя отдыхал после очередного караула, удобно расположившись в плетёном кресле на крыльце здания бывшего клуба. У ног его, словно верный пес, стоял, опираясь на разложенные сошки, полюбившейся уже ему ПКМ. Петя наблюдал за работой «роботов», копавших теперь окоп, – двоих только что привезли из села, пойманных за какое-то мелкое хулиганство. Дядя Женя с двумя бойцами специально ездил за ними на «Уазике», откликнувшись на жалобы гражданских, регулярно обращавшихся за решением проблем с мелкой преступностью к ним, поскольку обращаться было больше некуда – с началом войны бывшая милиция, по большей части, разбежалась или вступила в ряды ополчения. Третьим «роботом» был старый знакомый – Худой – вернувшийся в

этот статус после самовольного оставления поста. Под глазом у него красовался огромный синяк – результат воспитательной беседы с ним командира. Тот сначала пытался объяснять Худому что-то про «преступление против воинской службы», вспоминал свою срочную службу ещё в советской армии. Худой, однако, не хотел признавать себя виновным, пытался по обыкновению юлить, что ещё больше возбуждало командирский гнев. Гнев прорвался наружу после совсем уж неудачной фразы Худого «командир, ну чего ты чудишь?».

– Видишь, братан, – подошел Худой к Пете, – вот и волюну отняли, пока спал после караула. Понимаешь?

Петя молча протянул ему сигарету, зная, что он её сейчас попросит. Пете не хотелось ругать его, хотя он и не находил поступок командира несправедливым.

– Ты только, Шварц, старого кента не забываешь! – говорил Худой, присаживаясь рядом на корточки, – как думаешь, возьмут меня обратно? Волюну вернут?

– Откуда ж я знаю? Посмотрим.

– Ну, ты за меня замолви словечко! Мы ж кенты, да?

– Да что от моего словечка изменится? Это же армия, здесь командир всё решает. Он человек бывалый, советской закалки, а ты так... нарушаешь...

– Да кто ж знал, что нельзя...

Другие два «робота» недовольно поглядывали на привилегированного собрата, который вместо работы курил вместе с одним из ополченцев. Но тут из дверей здания появил-

ся Змей, и Худой поспешил вернуться к работе. Змей встал рядом с Петей в пол-оборота, оперевшись на перила крыльца, и посмотрел на Петю с выразительным укором:

– Пойми, панибратству тут не место!

– Ты про что?

– Я про то, что ты теперь не «робот», ты – военнотрудовой! Тебе завтра, может быть, кровь проливать, как и мне, как и любому из нас... А эти типы, – он бросил пренебрежительный взгляд на притихших и усердно копающих «роботов», – они будут тем временем бухать и курить где-нибудь под забором! А потом нас ещё гражданские спрашивают, «когда война кончится?», я на это говорю, «когда все эти бухарики из-под заборов вылезут и возьмутся за оружие, пойдут в ополчение», а не пойдут, мы их сами приведём, только в качестве «роботов»! Тут ведь каждому своё! Кто на что сгодится, понимаешь? Нормальным пацанам воевать, всяким алкалоидам окопы для нас рыть, убираться, мешки таскать... Командир их ещё жалеет, скоро отпускает, я б не отпускал, только набирал! Набрал бы из них отдельную трудовую роту – человек сто за раз чтоб работали, вот настроили бы нам укреплений!

– Надсмотрщиков не напасёшься, – засмеялся Петя, – а ты не куришь и не пьёшь?

– Курю, начал во время войны, потому что тут нельзя не начать... Стольких пацанов уже потеряли... Выпить могу, помянуть. Я же с лета воюю. Со Славянска. Такого пови-

дал... – тонкие черты его лица в этот момент дёрнулись, как от внезапной боли, а глаза смотрели куда-то в сторону. Пете захотелось сказать ему что-то доброе, или обнять. – Такие пацаны, Петь, погибали, а эти отбросы за нашими спинами отсиживались! Так что теперь пусть работают и... боятся! – с этими словами он рывком скинул с плеча автомат, щёлкнул вниз флажок предохранителя...

– Ты что делаешь, Змей?!

... И пустил длинную очередь над головами копающих «роботов». Те действительно не на шутку испугались, вырвали лопаты, Худой упал ничком, закрыв голову руками.

– Работайте, работайте! – услышал Петя сквозь звон в ушах весёлый голос Змея, – копайте глубже, в следующий раз очередь ниже пройдёт!

Однако ещё через секунду из двери на крыльцо выскочил дядя Женья, бросил беглый взгляд на роботов, ткнул пальцем в Змея:

– К командиру!

Змей поспешно пошёл за ним, заметно побледнев. «Роботы», перекурив, опять взялись за дело.

IX

Света, услышав тархтение «Газельки», оторвалась от монитора и выглянула в окно. Знакомый лейтенант, комвзвода разведки, в залитой кровью разгрузке вытаскивал из кузова тяжёлый предмет, вроде мешка или большого негнувшегося свёртка, ещё один боец из разведки, тоже перепачкан-

ный кровью, подхватил предмет за негнувшиеся ноги. Еще на предмете она различила лицо, напоминающее восковую маску, черты которого показались ей знакомыми. Словно с Андрея слепили маску для музея восковых фигур...

Света быстро вышла из комнаты, мимо притихших товаров, по коридору через дверь на плац, потом миновала «Газельку» с угрюмыми разведчиками и «предметом», потом к железным воротам, в калитку, мимо подавленного часового. Быстро шагала теперь по пустой серой улице.

– Почему именно он? В батальоне две-три сотни мужиков, и из всех из них она выбрала только его, и именно ему же и надлежало умереть?! Почему не тому другому, который давно в безопасности в Москве, открыл уже, наверное, новый бизнес?.. Почему именно ей? Есть столько женщин, с которыми ничего такого никогда не случилось – которых не бросал в трудную минуту муж, у которых не погибал внезапно возлюбленный, которые вообще никогда не видели войны, не прятались с детьми по подвалам, не просыпались среди ночи от канонады!.. И ведь даже самый разумный в этой ситуации выход – покончить с собой – для неё не доступен, потому что у неё две дочери, которые как якоря держат её в этом тошнотворном мире, где мужчины либо трусы, либо «двухсотые»! А ведь она ещё не старая – ей ещё лет тридцать или сорок предстоит жить!.. Или сначала дочек, потом себя? Да нет, так у неё не получится. И бросить их одних тоже не сможет. И что с этим со всем делать?!

Света не могла бы сказать, сколько она пробежала не разбирая дороги с этими вопросами по опустевшему серому городу, прежде чем отчаяние ее как будто притупилось под действием физической усталости. Во всяком случае, она наконец присела на троллейбусной остановке, рассчитывая поехать домой. Дочки уже, наверное, из школы пришли.

– А при Украине-то троллейбусы лучше ходили, – приста-вала какая-то бабка к какому-то молодому военному в солдатском бушлате с пустыми погонами, – за что вы воюете? Чтоб совсем житья не стало?

– Что ты к нему пристала, – вступилась другая, – он-то тут причем!

– Он причем? А я причем? Я всю жизнь работала, а тут на пенсию даже сдохнуть не по карману – хоронить как собаку в картонной коробке придётся! Или в морге вонять, там и так смрад, когда мимо идёшь!

Света не могла больше выносить этого разговора и пошла пешком, несмотря на усталость, не дожидаясь троллейбуса. Тот как назло вскоре обогнал ее и бодро скрылся за поворотом.

– Что ж это за издевательство?! – закричала она в голос и разрыдалась, но всё же шла дальше по пустынной улице, всхлипывая и бормоча что-то совсем уже невнятное, когда знакомый звук, резкий оглушительный хлопок, заставил её остановиться и взбодриться. «Прилет» снаряда или мины, причем близко – впереди за поворотом. Света привычно

метнулась к ближайшей пятиэтажке, нашла подъезд и скрылась в нём, машинально захлопнув за собой старую дверь без стёкол, поднялась на полпролёта, стараясь держаться подальше от окон. Разрывов было не более десятка и всё стихло. Выслушав стук осколков снаружи и переждав пару минут, спустилась и открыла дверь. Мимо пробежала, вытаращив глаза и поджав хвост, ошалевшая от такой жизни собака. Света опять пошла дальше своей дорогой, когда из-за поворота услышала крики нескольких голосов и визгливое женское причитание. Света и тут флегматично двинулась далее, уже привычная ко многому, но то, что ждало за поворотом, заставило ее замереть. Посреди проезжей части стоял развороченный троллейбус, на обильно политом кровью асфальте валялись фрагменты тел. Света разглядела худую руку подростка, женскую ногу, валялись какие-то окровавленные кучи тряпья. Рядом стоял плачущий старик. Потом она отвернулась и опять двинулась дальше, стараясь уже не смотреть. Зачем ей это в памяти? Она всё равно ничем не может помочь.

Голова её вдруг стала работать удивительно ясно и четко. Она выжила, чудом не сев в этот самый троллейбус, и это прекрасно, потому что ее дочери не останутся теперь одни. Они ждут ее дома, а значит, ей есть зачем жить. Положение не безвыходное, потому что они могут уехать втроем хотя бы в качестве беженцев. Пусть им придётся жить какое-то время где-нибудь в бараках – она точно не знает, где размещают

беженцев, но где-то же размещают, – главное, там не будет обстрелов! Все войны рано или поздно заканчиваются. На службу она уже не вернётся – не хочет встречать у штаба новых «двухсотых», заполнять о них документы. Впрочем, от неё вряд ли кто-то и потребует возвращаться – присяги она никакой пока не давала, да и вообще всегда может сослаться, что она женщина с двумя детьми и без мужа...

Добравшись с этими мыслями до дома, встретила у подъезда престарелую соседку.

– Слышала, Свет, мина в троллейбус угодила? Тут у нас недалеко!

– Да уж, тётъ Сонь, слышала... – устало ответила Света.

– Это ж надо, что опять творится! Я детство под бомбежками провела, ещё в ту войну, в Великую Отечественную. Отец на фронте погиб, ещё в 41-м. Мать ночами выла белугой! У меня первое воспоминание из детства: в доме темно, мать воет и снаряды рвутся... Долго потом темноты боялась, со светом спала, пока замуж не вышла. Там уж к мужу прижмусь, можно и свет выключать... А вот опять на старости лет угораздило – опять война! Значит, Бог так ссудил...

– Зачем же так?!

– Значит, надо. Пути Господни неисповедимы. Ты б сама, Свет, в церковь хоть когда зашла, а то измученная такая, смотреть на тебя горько.

– А у нас тут есть церковь? – спросила Света, вспоминая, что была последний раз в церкви, когда венчались с Петей.

– Конечно, есть! Как не быть? Церковь везде есть.

Х

– А знаешь, Шварц, что за день-то сегодня? – спросил Худой, подсаживаясь к Пете и принимая от него сигарету. Петя опять сторожил очередных “роботов”, и Худой всегда рад был устроить себе самовольный перекур.

– Ну и что за день?

– День трех “д”! – торжественно произнес Худой.

– Чего?

– День денежного довольствия!

– А, ну да...

– Послушай, Шварц, мы ж кенты! Ты ж знаешь, как меня кинули! Обратно в роботы перевели! Мне теперь хрен что дадут! Ты ж подогреешь старого кента, не забудешь?

– Да мне тоже, вроде, пока особенно нечего получать, всего ничего отслужил, да и довольствия того... Хотя у нас тут и трат никаких... Послушай, Худой, я конечно понимаю, кенты и всё такое, но есть идея поинтереснее: поскольку у нас тут трат никаких, кормят-одевают, эти деньги надо откладывать. И ты, когда тебя восстановят по службе, деньги копи, после войны, может, вместе дело откроем. После войны, в связи с разрухой, за дешево можно будет...

– Да не гони, Шварц, чего ты чудишь? Давай я сэма намучу, шмали хорошей, а хочешь, шириы? Или шлюх? Это дороже, но я найду варианты!

– Ну даешь, – засмеялся Петя, а потом сказал серьезно, –

знаешь, у меня ведь жена и две дочки, мне бы им деньгами помогать... Давно их не видел, были причины, но теперь скоро уже, надеюсь, буду с деньгами и по форме...

Петя не хотел говорить дальше, и его выручило урчанье штабного “Урала”, не спеша подкатывающего к блокпосту.

Бойцы в ожидании собирались к машине. Настроение у всех было приподнятое. Даже у тех, кто стоял на постах, хотя им довольствие получать предстояло, конечно, отдельно, после смены. Только теперь Петя увидел всех бойцов блокпоста в сборе, – оказалось, человек двадцать, – стояли весёлой дружной компанией. Один только Худой, напротив, места себе не находил от разочарования. Дядя Женя сочувственно посмотрел на него и сделал вид, что забыл отправить его обратно в подвал к другим “роботам”.

Из кузова “Урала” выпрыгнули несколько бойцов, сопровождающих ценный груз, в новенькой форме и берцах, с начищенными автоматами, рассыпались по сторонам, заняв позиции как для круговой обороны.

Командир с дядей Женей, наблюдавших это сцену, улыбнувшись, переглянулись. Из высокой кабины тем временем спустилась женщина в форме, заведовавшая при штабе выдачей жалования, с драгоценным металлическим ящиком и с толстой тетрадью финансовой отчетности в руках. Села за заботливо предложенный ей стол со стулом, а бойцы блокпоста выстроились в очередь.

Выдача наличных происходила быстро и также быстро

затем опустел блокпост – все, кому посчастливилось заранее отпроситься у командира в увольнительную, разъехались на попутках и личных авто, “Урал”, закончив дело, укатил; остались только часовые на постах, кому несчастливо в этот день оказаться в карауле, новые роботы в подвале, про которых на сегодня почти забыли и решили не нагружать работой; остались бессменные командир и дядя Женя, а также Петя и Худой. Последнему увольнительная, понятно, не предполагалась, а Петя ее не просил, не ожидая, что получит сегодня довольно значительную сумму, и теперь весь долгий вечер сидел в задумчивости.

– Волыну возьми!

– Ты чего, сдурел? Как я ее поташу?

– Сныкаем в посадке, потом откопаем, продадим! После войны, знаешь, сколько будет стоить?! Дело своё откроешь!

– Ты вообще даёшь! – сказал Петя, кладя пулемет под свою койку, и скомандовал, – пошли так!

Две фигуры, крепкая и худая, выскользнули из здания бывшего клуба в ночь. Саня, стоявший с этой стороны здания на посту, по обыкновению прятался за блоками и подросшей стеной из мешков и ничего не заметил.

На трассе они остановили дребезжащие всеми деталями “Жигули”. Водитель, полноватый мужичок, послушно остановился, увидев на дороге людей в форме, однако обнаружив, что у них нет оружия, хотел уже было рвануть дальше,

но не успел. Петя, широко распахнув дверцу, бодро плюхнулся на переднее пассажирское сиденье – “Жигули” испугано заскрипели – а на заднее уже забирался Худой, доволь-но ухмыляясь.

– В Донецк! – зычно гаркнул Петя, бесцеремонно захлопывая трухлявую дверцу, – улицу и дом на месте покажу!

“Жигули” послушно покатались вперед, прижимаясь к земле, как от испуга. Водитель втягивал голову в плечи, чуя что-то неладное, но не желая знать, что происходит.

– По дороге в магазине тормозни, – сказал Худой с заднего сиденья, – на заправке или где...

– Зачем тебе? – обернулся к нему Петя.

– Водки возьмем! У тебя же лаве! Скачок обмоем!

– Чего? – не понял Петя, а водитель затрясся уже не на шутку, – в Донецк без остановок! – скомандовал ему Петя, – а этого, Худого, высадишь там у какой-нибудь кафешки, пусть пока бухает! В Донецк!

Петя воодушевлённо вглядывался в темноту дороги, в скудные пятна света от фар и постукивал по «торпед» то пальцами, то кулаком так, что водителю было и за неё боязно. Худой ёрзал на заднем сидении, не находя себе места от обрушившейся на него свободы и от обещанной выпивки, и то и дело затягивал одни и те же строчки: “А мне б, бродяге, рвануть на волю!”, “А ты знаешь, на воле всё иначе!” и ещё что-то подобное. С этими же песнями он, получив от Пети щедрый «подгон» и обещав «век помнить», вылез где-то на

пустой улице Донецка перед ночным клубом, где за закрытыми в связи с комендантским часом дверями шло веселье. Охранник, открыв дверь, не удивился очередному загулявавшему, как он решил, ополченцу, а только обрадовался новым деньгам. А «Жигули» снова запетляли по улицам.

– Вот здесь! – “Жигули” послушно встали, – держи! – Петя протянул водителю деньги, а тот удивился настолько, что сначала даже не стал брать, – ну, держи, держи, хоть за бензин!

Водитель, наконец, взял деньги, и “Жигули” робко покачали обратно.

Петя остался один, куражиться больше было не перед кем. Он смотрел на такую знакомую улицу, дом, подъезд, и только теперь видел, как здесь всё изменилось. Дело было даже не в разбитых окнах, кое-где заделанных фанерой, не в оспинах, оставленных на стенах осколками, не в изломанных деревьях и не в посечённых проводах – словно тонкая серая плёнка легла здесь на всё, на привычный ему мир. Ему стало также страшно, как тогда, когда он бежал отсюда в первый раз. Он вспомнил всё – как не постыдился сказать побледневшей супруге какую-то глупость про якобы грядущую поголовную мобилизацию, как выбежал потом на улицу, захватив только паспорт и немного денег, как метался по городу в поисках транспорта, который тогда почти не ходил из-за обстрелов, как остановил БМП с ополченцами, умоляя подвезти, как какой-то дед со сморщенным лицом грозно при-

крикнул на него с брони: «А воевать кто за тебя, такого лба, будет?!» – и щелкнул затвором; и как бежал не разбирая дороги после этого щелчка и всё ждал пулю в спину, а слышал только дружный хохот бравых вояк... Ну и как он явится теперь Свете? Что скажет? «Привет, я теперь всё-таки вернулся и даже на блокпосту досматривал кого-то»? Судя по этим стенам, у них тут регулярно происходят обстрелы! Что они тут пережили за эти полгода – она и дочери?! А он ведь и под обстрелом даже ещё не был. Там, на блокпосту, тихо, по сравнению с Донецком... Впрочем, он ведь и оттуда сбежал! Он вспомнил как когда-то, давным-давно маленьким мальчиком в школе читал стихи про кого-то трусливого, кто от битвы «бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от огня», и как смеялся над ним.

Это одна беда – собственная трусость, есть и вторая, про которую он даже думать не смеет: а если у Светы теперь...?! Раньше он полагался на собственную физическую силу, физическое превосходство предавало уверенности во всём, от успехов в бизнесе до отсутствия конкурентов в любви. Для этого он не жалея сил тренировался. Но теперь война, всё решает оружие. Он вспомнил Змея с битой – даже против элементарной дубины его потом тренировок заработаны мышцы оказались бы бессильны, что уж говорить про стволы и гранаты... Как жаль, что не прихватил по совету Худого пулемет, он сейчас сунул бы ствол себе в рот, снял одной ногой с другой сапог вместе с портянкой, большим пальцем ноги

нащупал бы спусковой крючок... Он видел это в каком-то старом черно-белом фильме, только с винтовкой, кажется, – впрочем, так и не выстрелил... Петя пошёл по одинокой улице назад, туда, где высадил Худого у ночного клуба.

Пошел снег, провалы пустых окон на его фоне стали ещё более чёрными и безнадежными; на повороте дороги один столб, надломленный, наверное, не вписавшейся в поворот бронетехникой, нависал над проезжей частью, будто хотел уже упасть, но не смог.

Петины раздумья прервал нарастающий шум шин догоняющей его машины. Почти новое авто, обогнав его на пустой улице, лихо, с дрифтом развернулось поперек дороги, остановилось. Из машины вылезли два парня в форме, разгрузках и с автоматами, один взял его на мушку, щелкнув предохранителем, другой крикнул: «Лицом к стене, руки на стену». Петя послушно и апатично подошел к ближайшей ступе и положил на нее руки. Тот, который кричал, подошел сзади и, уперев одной рукой автомат Пете в спину, другой долго хлопал его по бокам и ногам, убедившись в отсутствии оружия, спросил:

– Документы?

– Нет документов, – вяло ответил Петя.

– То есть как это нет?

– Военник еще не выдали, а паспорт забыл...

– То есть ты ходишь тут в комендантский час, да еще без документов, и думаешь, я в эту фигню поверю: не выдали,

забыл? Руки за спину!

Петя завел руки за спину и почувствовал, как на них защелкнулись наручники. Заломив руки повыше, его отвели к машине и запихнули на заднее сидение.

– Поехали на яму! Там из тебя выбьют, кто такой и откуда!

– Да что из меня выбивать, я сам скажу, – ответил Петя, чувствуя, что ему уже не всё равно, куда и зачем его везут, и вспоминая почему-то Змея с битой.

– Выбьют, выбьют, так вернее!

Машина неслась по пустым улицам, с заносом проходя повороты, не притормаживая пролетая перекрёстки. По пути обогнали также несущийся посередине улицы военный «Урал», других машин не встретили.

«Ямой» оказался огромный слабо освещенный подвал с нарами в четыре яруса, где уже сидело несколько военных и стоял запах перегара.

– Тоже по пьяни в комендантский час гуляешь или что посерьезнее учудил? – спросил один.

– Да не, – обрадовался Петя, – ничего серьезнее не чудил.

– А звать как? – поинтересовался другой.

– Петя, Шварц.

– Ну да, есть немного, похож. А сигареты есть, или спортсмены не курят?

– Курят, конечно, и сигареты есть, – Петя, довольный такому простому способу завести новых друзей, щедро раздавал сигареты.

Спустя немного времени тяжелую железную дверь опять открыли снаружи, чтобы запустить нового арестанта – это оказался Худой, очень сильно пьяный. Пете пришлось помочь ему добраться до ближайшей нары, а Худой, узнав его, обнимал и целовал, пытаясь что-то сказать, но быстро заснул. Вскоре заснул и Петя на соседней наре.

XI

– Тётъ Сонь, ну как тут простить? – плакала Света, – ведь сбежал, просто сбежал, бросил с детьми в этом ужасе, и ни весточки от него, ни слова! Ведь если б он хоть знать о себе дал, хоть позвонил, сказал «прости», – это ведь так просто! А то ведь не знаю, что думать, может нет его больше, по дороге мало ли что могло случиться, попал под обстрел... Или, наоборот, жив-здоров и думать про нас забыл! Радует-ся жизни! Может, уже у него другая!..

– Что ты, Свет, какая уж там радость, у предателя-то! Потому и не звонит, что стыдно показаться... Дай Бог, чтоб руки на себя не наложил, – вот о чём молиться нужно, о чём Бога просить!

Они сидели на скамье под стеной храма после службы, Света всё плакала, уткнувшись лицом в крохотное плечо старушки.

– Как же, он сбежал, и за него же молиться?

– Конечно, Свет, он теперь самый больной душой, самый немощный, за него в первую очередь и молись. Как когда у тебя какая-нибудь часть тела заболит, ты же ту часть тела

более всего лелеешь, бережешь, лекарства принимаешь, так и тут.

– Да такого, как он, ампутировать давно пора!

– Не надо, ампутировать всегда успеешь, а пока надо помогать и надеяться, как деревце, если плодов не приносит, чахнет, его удобряют, заботятся, – глядишь, и заплодоносит!

– Да как же я ему помогу?

– Молитвой, Свет! Ты попробуй! Тебе самой первой и легче будет, в душе уже с ним примиришься, пожалеешь его, ему сейчас, поверь, очень не сладко...

Наплакавшись, Света, наконец, успокоилась, и они пошли в обратный путь от церкви домой, причём им предстояло ехать на троллейбусе. Сюда Света шла одна, так как бабушка Соня в церковь с утра отправлялась очень уж рано. Тогда Света не решилась ехать на троллейбусе и пошла пешком, хотя разумом и понимала, что внезапный обстрел не менее опасен для пешехода, чем для пассажира троллейбуса. Теперь же она легко преодолела страх – спокойная уверенность старушки действовала на неё вдохновляюще. «Не идти же, из-за моих страхов, пожилому человеку пешком», – рассудила Света.

Однако в дороге, в троллейбусе, страх вернулся. Казалось, в любой момент, без всякого предупреждения произойдет непоправимое. Может, где-то, за несколько километров отсюда, равнодушные руки как раз сейчас кидают мину в миномет или засовывают снаряд в гаубицу – да мало ли что

они там нам ещё готовят! Грады! Фосфор! И в Свете начала закипать ненависть вперемешку со страхом. Но тогда ее спутница заботливо погладила Свету по плечу и тихо-тихо, одними губами стала повторять слова молитвы, которой ранее учила Свету. Света, угадав их, мысленно подхватила.

Дома дочери, удивлённые непривычным отсутствием матери, встретили ее с радостью. Она обняла их обеих крепко, чего очень давно уже не делала.

ХП

– Худой и Шварц, на выход!

Петя проснулся всё в том же подвале; окон не было, поэтому время суток определить было нельзя. Рядом стонал и матерился похмельный Худой.

– На выход, – крикнули ещё раз, и Петя, встав, помог подняться Худому и направился вместе с ним к выходу. Из подвала под конвоем поднялись наверх, где их, к совершенному удивлению Пети, ждал дядя Женя, глядевший на них, вместо обычного своего дружелюбия, неожиданно угрюмо.

– Поехали, «роботы»! – только и сказал он и направился, не оборачиваясь, к своему уазу. Петя с Худым послушно и виновато последовали за ним.

– Откуда дядь Женя про нас узнал-то? – шепнул Петя Худому.

– Да то я вчера по пьяни, наверно, им, комендачам этим, нашим командиром грозил... Вот и вызвонили, суки! Всю малину наломали!

– Да помолчи уж!.. – Петя рад был, что легко отделался и рад был вернуться на блокпост, пусть даже пока в качестве «робота».

Доехали быстро. На блокпосте Петя, однако, обнаружил непонятные ему перемены. Сослуживцев было больше, чем обычно, и укрепления из мешков выросли заметнее. Дядя Женя, напутствовав их одним только словом: «Работайте!», передал под начальство Змея, у которого уже трудилось целых пять «роботов» из пойманных за мелкие правонарушения гражданских. Змей же стоял перед ними, как всегда, в аккуратной своей новенькой форме, только теперь как-то особенно внушительно расставив ноги в начищенных берцах, на шее у него висел автомат, на котором теперь появился подствольный гранатомёт. В руке у него была излюбленная бита, которой он непрестанно поигрывал, то похлопывая ею по ладони другой руки, то барабанил по ней пальцами, то ловко перехватывая.

– Что, – неожиданно громко крикнул он Пете, – видишь, Шварц, я подствольником обзавёлся, у нас их всего три на блокпосту, командир мне доверил, а ты тем временем пулемет свой просрал и попал обратно в роботы? Тебе не стыдно вообще?

– Да я просто его оставил на время... Ты лучше расскажи, что тут происходит?

– Что происходит? Ничего особенного тут не происходит! Готовимся гостей встречать! Война это! В порядке ве-

щей! Затишье должно было кончиться – раньше или позже! С утра оперативную сводку получили... А ты тому-то не меняй! Чем ты теперь будешь укропов «крошить», как когда-то обещался, а? Если ты пулемет свой «оставил на время»? И кто тебе его теперь опять доверит, после такого? Его лучше теперь, вон, Сашке отдать – тот хоть молодой совсем пацанчик, но пост не бросает!

– Да я пост и не...

– А вас с Худым теперь только на минные поля гнать, мины вами разминировать!

– Змей, хорош ерунду болтать! – прервал его как всегда неожиданно появившийся дядя Женя, – давайте лучше работать! Чем больше успеем наворотить, тем лучше!

Затем появился и командир, вышедший из небольшого полуразрушенного здания напротив, подвал которого использовался под склад. За ним следовали ещё два бойца – их Петя раньше когда-то видел – теперь они несли новое для Пети орудие: длинную трубу на треноге с расширением на одном конце и небольшим раструбом.

– Это что за хрень? – удивился Петя.

– Как это что?! – возмутился Змей, – это называется сапог, или эс-пэ-гэ, станковый противотанковый гранатомёт! Будем из него укропские танки жечь!

Командир на этих словах внимательно посмотрел на Змея, а бойцы с орудием заспешили.

– Змей! – обратился к нему командир, – у тебя задача не

языком трепать, а организовать работу «роботов»! А я пока вижу, что семь человек слушают твои речи и ничего не делают!

– За работу, живо! – засуетился Змей, угрожающе размахивая битой. «Роботы»-гражданские взяли за свои мешки, и Петя с Худым посмешили к ним присоединиться. Мешки показались им легче обычного.

А командир с дядей Женей, перекинувшись двумя-тремя словами, решили, где установить СПГ, и командир указал на поросший кустарником кювет у дороги поодаль от блокпоста – два бойца отнесли туда свою ношу. Потом вернулись к подвалу-складу и принесли продолговатый темно-зелёный ящик. Петя с любопытством поглядывал, как они открыли ящик, в котором оказалось что-то вроде небольших ракет с конусовидными головными частями. Потом те бойцы, по приказу командира, принялись усердно маскировать трубу с треногой и ящик, привязывая к ним множество тоненьких веточек кустарника. А Петя, вместе с Худым, всё усерднее налегали на свои мешки.

Вдруг произошло неожиданное. От громкого хлопка у Пети зазвенело в ушах. Двое бойцов дружно прыгнули в свой кювет, Змей и «роботы» вместе попадали за мешки. Кто-то крикнул: «Ложись, придурок!», и кинул в Петю куском земли. Это вывело его из оцепенения, и он тоже лег ничком за мешки. В следующую секунду звонкий хлопок повторился. Над головой у Пети что-то сильно хлестнуло по мешкам, и

на голову и спину его посыпался из них песок. Петя почувствовал, что на спине и лбу у него, несмотря на холодную погоду, выступает пот, а колени самопроизвольно застучали по мерзлой земле. Он вдруг понял, что это что-то в следующий раз может также сильно хлестнуть и по нему! Опять хлопок... Пронесло! Но теперь он уже ждёт следующего – ждёт и надеется, что пронесёт, а секунды тянутся издевательски медленно!

– Это неправильные, неправильные, это бесшумные мины! – послышался голос, которого Петя сначала не узнал, так он изменился, потом понял, что это говорит Змей, – неправильные это мины! Нормальную мину слышно при подлёте! Я их столько в Славянске слышал! Это какие-то... – и Змей зашёлся грозной руганью в адрес мин.

Ругань прервал новый хлопок. Все притихли. Петя не мог сказать, сколько этих хлопков всего было, но немного, и, кажется, всё стихло... Или это так долго тянутся секунды перед новым «прилётом»?..

– Подъём, бойцы, все целы? – услышал он громкий голос дяди Жени. Петя осторожно поднялся, оглядываясь по сторонам. Двое бойцов выглядывали из своего кювета, как-то глупо улыбаясь друг другу. У мешков Змей стоял уже во весь рост и, опять громко ругаясь, отряхивал от снега и песка свою форму. Худой сидел, откинувшись спиной на мешки, и смотрел куда-то перед собой остановившимся взглядом. У Пети мелькнула мысль, что он тяжело ранен или даже убит.

– Худой, ты как? – потормошил он его за плечо. Худой посмотрел на него выпученными глазами:

– Да нафиг мне это всё надо, а?

– Да-да, нафиг оно надо! – закричал вдруг один из «роботов»-гражданских, поднимаясь из-за мешков, – сдохните тут сами, если вам охота, а я не хочу! Я на это не подписывался! Меня приволокли сюда силой...

Он не договорил – Змей бросился на него, сбил с ног и, оседлав его, лежавшего навзничь, бил в лицо кулаками, удар за ударом, словно стараясь вколотить в землю. «Робот» истошно вопил, но тут на помощь ему пришёл дядя Женя, обхватив сзади Змея руками и оторвав того от гражданского.

– Ну, хорош, хорош, – сказал дядя Женя и обратился ко всем как-то даже ласково, – сейчас все перекуриваем, успокаиваемся, и продолжаем работать!

Не успели они закурить, как появился командир, обходивший посты часовых после обстрела.

– Все целы! – ответил он на вопросительный взгляд дяди Жени, – нам опять повезло...

Затем окинул внимательным взглядом присутствующих бойцов и обратился к Пете с Худым:

– Ну, что? Теперь вы двое тоже обстрелянные бойцы? Не обосрались?

– Не-не, нормально всё, – ответил Петя как можно спокойнее.

– Да-да, в порядке, внатуре! – поддакнул Худой.

Командир грустно улыбнулся, сказал бойцам с СПГ продолжать маскировку, и направился в здание бывшего клуба, позвав с собой дядю Женю. На гражданских «роботов», в том числе, на избитого Змеем, он даже не посмотрел.

XIII

Свежим морозным зимним утром Света опять пришла к высоким железным воротам воинской части.

– Караульный! Привет! – бодро крикнула она, – позови зам-по-тыла, я на работу устраиваться!

– Как я тебе зам-по-тыла позову? – буркнул, выглядывая, караульный. На этот раз им был незнакомый мужик в летах с седой головой и ворчливым голосом, – максимум могу помощнику начкара позвонить...

– Да, позвони, пожалуйста!

Часовой стал крутить ручку старинного аппарата, который, как теперь вспомнила Света, почему-то называют "тапик".

– На работу, – буркнул он в трубку, – баба.

Света оставалось ждать и обдумывать, что сказать сначала этому помощнику, а потом и своему начальству – перед Рысью было немного совестно, вспоминая, что она звонила Свете раза два или три, и Света игнорировала те звонки, потому что слишком погружена была в своё горе, казавшееся ей тогда невыносимым. Ещё сложнее, наверное, выйдет разговор с командиром по тылу, которого она сейчас так бодро выкрикивала – теперь она припоминала, что по армей-

ским понятиям ее поступок даже в мирное время называется неприятным словом "самоволка", а в военное это что? Неужели, дезертирство?.. Свете вдруг стало страшно. Она посмотрела на железные ворота, на выглядывавшего из-за них угрюмого часового, который смотрел на нее, казалось, испытующе, положив руки на висящий на шее автомат. Но Света решила не отступать и стала мысленно читать одну из молитв, которым учила ее бабушка Соня.

– Так это ж наша Светка! – прервал её молодой голос, видимо, того самого помощника, хотя она его не помнила, – заходи, заходи, Свет, не мёрзни! Начальства никого нет, пошли пока к нам в дежурку чая попить.

И он быстро повёл её за собой в небольшую комнатку на первом этаже с телефонами, какими-то ящиками и шкафчиком с ключами. Тут же на железной кровати спал и начальник караула, вытянувшись во весь рост в форме и ботинках на аккуратно застеленном покрывале. Помощник не стал его будить, а только поставил кипятить в трёхлитровой банке воду при помощи старого опасного кипятильника. Вода не успела ещё вскипеть, как откуда-то появилась Рысь, уже кем-то, видимо, проинформированная о возвращении Светы, и бросилась с ней обниматься.

– Как ты? За тебя все так переживали! Всё образуется!

Света, смущённая совсем неожиданным для неё столь тёплым приёмом, не знала, что и отвечать, только благодарила и спрашивала, не сердится ли на неё зам-по-тылу. К ещё

большему своему смущению, она совершенно забыла, как зовут этого пожилого офицера, запомнившегося ей негромким добрым голосом, благообразной сединой и тем, что до войны, по собственному признанию, ничего общего с военным делом не имел, кроме разве что срочной службы в советской армии в юности.

Рысь заверила её, что всё в порядке, и действительно, тот, появившись вскоре в «дежурке», заулыбался приветливо. Все было вскочили, чтобы как положено встретить командира, и даже спящий начкар зашевелился, но добрый старик остановил их жестом, который даже спящий начкар, казалось, не просыпаясь, уловил, и вновь стал безмятежно посапывать во сне.

– Привет, Светлана! Так и думал, что вернёшься... Вполне тебя понимаю! Страшно, когда уходят такие как Андрей! – Света вздрогнула от этого имени, ей меньше всего хотелось сейчас о нём говорить, и Рысь с помощником также напряженно притихли, даже спящий начкар, кажется, засопел тревожнее, – интеллигентнейший человек, образованный и отважный! Не мог он сидеть за картой и рисковать другими, всё хотел сам, всё брал на себя... Есть такая беда у нас, у командиров! Из штаба корпуса кричат «разведать», «взять» и так далее, а кого посылать? Вчерашних шахтёров и таксистов? Или патриотичную молодежь?.. Нельзя, конечно, с вами, с подчинёнными, такие вещи обсуждать, но мне всё равно, я человек старый, да и вся наша военно-полити-

ческая самодеятельность уже порядком мне надоела... Андрюша-Андрюша!.. Он мне по возрасту как раз в сыновья годился... Мои-то сбежали, когда война началась, а он, наоборот, приехал... Погибнуть! В офицерском училище его с детства, видать, так учили – за Родину погибать, а здесь оказалось нужно по связи рявкать: «Взять», «Добыть», «Удержать»! Он так не умел или не хотел... А теперь вот, похоже, грядёт новый «замес», как выражаются молодые люди, – сколько их теперь опять поляжет?! Опять буду отправлять «груз двести» – такой вот долг службы! Тоже часто думаю, лучше как Андрей...

Спустя немного дней после её возвращения на службу, как-то вечером, светин телефон зазвонил давно забытым рингтоном. Это был Петя. Сначала сомневалась, отвечать ли...

– Алло...

– Привет... Это я... Наконец, позвонил, вот... Я тут недалеко, блокпост, трасса на Дебальцево, – знаешь, где это? Служу... гм, потихоньку... Слушай, Свет, я на самом деле очень соскучился и по тебе и по дочкам... Ты прости за всё что было! Простишь?..

– Да, да, конечно, Петь! И я тоже очень соскучилась! Приезжай как-нибудь! Как же рада, что ты позвонил, наконец-то! Не представляешь! Возьми увольнительную на день, хотя бы, и приезжай скорее, столько не виделись! Расскажешь, как ты

и что ты!..

– Я бы с радостью, Свет, но не могу пока приехать, извини, не пустят...

– Ты там в "роботах", что ли?

– Да, так получилось, но это временно, накосячил...

– Да, ничего, понимаю, бывает. Я ведь тоже служу тут... некоторое время... при штабе... Ну, это ладно! Давай, может, я к тебе приеду?

– Да нет, тут у нас готовится... Да и я в таком виде пред тобой предстать не хочу, извини... В качестве "робота"!.. Лучше подождем немного, Бог даст, приеду к тебе при параде! Хорошо?.. Слушай, вам деньги, наверно, нужны, – как передать, я придумаю! Как вы вообще там?

– Да, в общем, всё более-менее, справляемся... У тебя-то как дела? Расскажи подробнее! Что делал все эти... полгода!.. Больше уже...

– Да... Что делал? Сначала работал... Ну, как сбежал... В Москве, на стройке. Думал, денег подзаработаю, вас заберу к себе, квартиру снимать будем... Жил-то в общежитии... Изрядный клоповник – летом там жара, вонь потных работяг... Ну, это ладно, дальше больше – вместо того, чтобы деньги копить, стал попивать...

– Ты что?!

– Да вот так... Стыдно было... За всё... Очень! Но теперь-то я уже точно не подведу! Тут у нас обстрел был, и ничего, пронимаешь? Всё в порядке, служу дальше, хоть пока

и в качестве «робота»... Вообще, нормально всё обошлось, без потерь. Командир говорит, повезло... А ещё, самое главное, ждем, что укропы попрут! Поэтому тоже не надо тебе сюда ехать... Я вот и позвонить решился, на всякий случай, мало ли оно что... Прощения попросить.

– Про то всё забыли, Петь... Я за тебя молиться буду! И меня тоже прости... Чуть было тебя не забыла!.. Прости, ладно?

– Конечно, конечно, что ты! Я же сам виноват! Куда как больше виноват! Я тебя очень люблю!

– Вот и замечательно! Я тебя тоже очень люблю! Молодец, что позвонил! Представляю, как это было непросто!..

Они долго ещё разговаривали друг о друге, и о детях, успели даже осторожно затронуть планы на будущее, пока позволяли средства на телефонах обоих.

XIV

Петя лежал в подвале для "роботов", на грязной койке, повернувшись лицом к стене, и тихо счастливо плакал. И понимал, что никогда ещё не было так тепло и спокойно у него на душе – ну, разве что совсем в детстве!

Что-то кольнуло его в бок. Петя почесался и достал двумя пальцами клопа, посмотрел на жалкую букашку и аккуратно положил в сторону, не став давить.

– Шварц, братан, что случилось? – услышал он хриплый голос Худого, – да всё будет тип-топ, братан, что ты?! Не расстраивайся!

– Да я не расстраиваюсь... Ты не понял, друг! Просто кое-что очень важное произошло... Сам пока не могу толком понять... С женой помирился! Не просто помирился, больше того! Она на меня зла не держит за всё, что было... Да я тебе и не рассказывал ничего толком... И никому, потому что не мог! Я ведь сначала сбежал от войны... как заяц! От этого... Да не важно!.. Короче, бросил семью, представляешь? Жену, детей, и не просто бросил, а в трудную минуту... А теперь вот вернулся, служу худо-бедно, а главное, она меня простила, представляешь? Зла не держит... Трудно понять!.. Не хватает только, знаешь чего? Я теперь пойду еще в церковь покаюсь!

– Ну, ты даешь, Шварц! Что-то ты совсем раскис! Так сырость на тебя, наверно, действует так, сыро тут в подвале! От сырости и не такое бывает! Тубик, например... Ну, ты прикинь в церкви попы эти, на мерседесах ездят! Ты на ботиночки их посмотри! А ты будешь ему душу наизнанку! Ты что, сильно верующий?

– Да нет... Не верующий, в общем... – Петя вдруг посмотрел на Худого в упор и заговорил громко и резко, – Худой, что ты за человек такой? С тобой разговаривать, как дерьмо жрать! Только что всё хорошо было, пока ты не влез, сука, – и Петя бросился на Худого. Тот увернулся с неожиданной ловкостью, кинулся через весь подвал, перепрыгивая койки, к закрытой железной двери. Петя бежал через подвал за ним, раскидывая койки, мимо притихших в ужасе "роботы"

тов"-гражданских, и настиг у самой двери, откуда деваться Худому уже было некуда, и обрушил на его голову чудовищный боковой удар. Голова Худого, увлекая за собой тело, отлетела, ударилась в железную дверь, весь он обмяк и, как мешок, плюхнулся на пол. Железная дверь после удара угрожающе загудела, кто-то из наблюдавших эту сцену "роботов" тихо застонал. Петя обернулся, словно пытаясь разглядеть что-то в полутемном подвале, и сказал как-то устало: "Вякните мне тут ещё кто-нибудь что-нибудь..." И отправившись на свою койку, лег на неё, делая вид, что решил поспать. Так пролежал он в темноте несколько долгих минут, пока, наконец, Худой не начал стонать и шевелиться. Петя с облегчением встал, подошел к нему, похлопал по щеке: "Ты как?" Худой смотрел на него ошарашено, как будто не узнавал, потом попытался встать, опираясь на петину руку, затем его стошнило. Подвал наполнился едким запахом рвотных масс.

– Вот же... – Худой слабым голосом пространно выругался, и тут его как осенило, – Шварц, ты что? За что, братан? Я же свой в доску! Мы ж с тобой и на нарах вместе и на воле...

– Помолчи, – перебил его Петя и, развернувшись, угрюмо пошел к своей койке, лег на неё, на этот раз действительно пытаясь заснуть...

Железная дверь истерически взвизгнув распахнулась. В дверном проёме, в хлынувшем ярком свете на мгновение появилась коренастая фигура, и голос дяди Жени неожидан-

но резко скомандовал: «Все на выход!». Выбежав, обитатели подвала увидели перед собой командира и выстроились перед ним в шеренгу.

– Ну, вот и дождались, – без вступления сказал командир, – получен приказ пополнить нашим подразделением сводную батальонно-тактическую группу, наступающую на Дебальцево!

И стал, прищурясь, разглядывать по очереди их лица, ожидая реакции. Видно было, что зрелище ему не нравится.

– Ну, – с вызовом сказал он, – мужики вы или «роботы»? Оружие мы вам дадим, люди нужны!

– Я! Я готов, командир! – срывающимся голосом, тщетно сиюсь говорить поспокойнее, заявил Петя, – я на этот раз не обосрись! Решено! Пулемёт верните!

– Молодец! – командир жестом скомандовал Пете выйти из строя «роботов», – А ты, Худой?

– Я бы... В другой раз... Голова раскалывается, он меня тут приложил... Еле на ногах стою! Чес-слово!..

– Как приложил? – обратился командир к Пете, и тому пришлось подтвердить, что было дело. И тут разом заныли, загундосили остальные «роботы»: «Ну, отпусти!», «Мы же вообще гражданские!», «Не умеем!», «Страшно!». Обычно спокойный командир вдруг побагровел, глаза налились кровью, а на лбу вздулась кривая толстая жила:

– Перестреляю, пидарасов! – взревел он, выхватывая пистолет, – честные пацаны вместо вас погибать будут!..

«Роботы» дружно повалились на землю – кто на колени, кто просто упал ничком, кто-то затравлено озирался, стоя по-собачьи на четвереньках. «Пощади!» – орал один, «Умоляю!» – другой, третий вдруг начал креститься, и командир внезапно остыл.

– Бог с вами, не буду грех на душу брать... Вон там, – он махнул пистолетом в сторону заснеженного поля, пересечённого лесопосадками, – там Горловка, или туда, вдоль трассы, Енакиево, бегите! В спины стрелять не буду... Марш!

И «роботы», сорвавшись с мест, бросились со всех ног, хрипя и спотыкаясь, бежать. У подвала, кроме командира, остались только дядя Женя и Петя, грустно смотревший вслед убегающему Худому.

– А ты молодец, – обратился к нему командир, Петя обернулся к нему, и командир неожиданно обнял его крепко, прижавшись лбом ко лбу, – пошли, впереди работа... Пулемёт, конечно, отдам!

А дядя Женя тем временем совершал один за другим звонки по телефону – было видно, что ему, в основном, не отвечают, или отвечают что-то не то... Они с командиром обменялись взглядами.

– Короче, все, кто есть, – заключил дядя Женя, указав на собравшихся перед зданием бывшего клуба нескольких бойцов, среди которых Петя увидел Змея, Саню и других старых знакомых.

– На манеже одни и те же, – грустно прокомментировал

командир, а Петя вдруг почувствовал гордость, что теперь опять один из них, из немногих.

Вскоре за ними пришёл «Урал», который, как пояснил дядя Женья, должен был доставить их на точку развёртывания сводного батальона. В кузов загрузили СПГ и ящики с боекомплектom, следом полезли бойцы. Командир закрыл за ними борт.

– И это всё? – спросил водитель «Урала», – мне сказали, отдельный взвод забрать с тяжёлым вооружением! Ещё думал, как поместятся!

– Твоё дело не думать, а баранку крутить, – огрызнулся командир, залезая к нему в кабину с правой стороны.

По дороге присоединились к колонне разнородной военной техники, какое-то время ехали вместе с ней. Из тентового кузова не было ничего толком видно, только слышно работающую необычно много и близко артиллерию. Саня и Змей, сидя впереди с двух сторон кузова, то и дело открывали маленькие оконца-прорези в тенте, выглядывали вперёд по ходу движения, но обзор загораживала кабина. Дядя Женья ворчал что-то про то, что "так не делают", что людей не берегут, что теперь "ходим колоннами, как они". Петя толком не разобрал. Наконец "Урал" остановился и заскрипел ручником. Кузов открыл снаружи командир, неожиданно весёлый и бодрый.

– Выскакивайте, глядите, здесь пока встанем. Их блокпост! Сюда отработали наши минометы и укропы позорно

бежали, бросив своих “двухсотых”.

Бойцы бодро попрыгали из кузова, быстро вытащили СПГ и ящики.

– “Сапог” вон туда и маскируйте, – распорядился командир, указав на заросший кустарником кювет дороги, – Женя, организуй! А Змей, Саня, Петя с пулеметом в здание напротив, позиция в глубине помещения. Змей за старшего.

Здание было довольно длинной одноэтажной постройкой, с сорванной в нескольких местах крышей, частично разрушенными внешними стенами и внутренними перегородками. Установить его довоенное предназначение теперь было затруднительно.

За ним обнаружили и вражеские “двухсотые” – один видно сильно мучился перед смертью, другие лежали спокойно, в разной степени обезображенные. Змей подошёл к первому, запустил руку под разгрузку, шаря в карманах, наконец, достал телефон. Что-то в нем нажимал, поднёс к уху.

– Алло... Убили вашего сына. Да!.. Вот вы его отправили нас убивать, наших женщин, детей, стариков, а вышло иначе!.. – потом опять нажимал что-то на телефоне, опять поднёс к уху, – алло! Слушаете меня?..

Петя подумал, что это не по-настоящему, что Змей их с Саней разыгрывает...

Потом неожиданно появился дядя Женя и жестом позвал их всех. Командиру звонил кто-то на сотовый. Командир внимательно слушал трубку, барабанил пальцами по цевью

автомата, который теперь всегда носил с собой. Переговорив затем по обыкновению с дядей Женей, велел собрать немногих оставшихся у него бойцов – а те уже сами, встревоженные, выстроились – и начал без вступления.

– Теперь готовимся, мужики, идут на нас танками, на выручку своим в Дебальцево прорываются. Наша задача – не пустить. Или то, что мы слышали всю дорогу артиллерию, – придется всё то начинать с начала. А там немалая мясорубка уже состоялась... Но в “котел” их всё-таки взяли! Подробностей не знаю... Справа и слева от нас тоже наши стоят, должны помочь, ударить по противнику с боков. Важно, чтоб мы их тут тормознули, чтоб с наскока не проскочили! Всем понятно?

Он внимательно осмотрел бойцов, всматриваясь в лица. Прошёлся перед коротким неровным строем, начинавшимся с дяди Жени:

– Тебе верю, и тебе верю, и тебе...

Подумал с полминуты.

– План у меня таков: всем на блокпосту торчать смысла нет – основные силы рассредоточим вон там, в зелёнке, – сказал он, указывая на довольно густую заснеженную лесопосадку поодаль, – сейчас, конечно, не то, что летом, но тоже неплохо спрятаться можно, а главное, они оттуда не ждут огня, так как наступать будут на блокпост, а значит, уже преимущество первого хода у нас будет... Но и блокпост совсем не бросим, потому что СПГ тянуть в посадку и маскировать

заново времени уже нет – противник на подходе! Танки уже слышно! Так что мы с дядей Женей останемся тут с "сапогом" и встретим их в лоб. А у вас из посадки будет возможность отработать им в бочину и при необходимости отступить вглубь... Всем понятно? Вопросы есть?

– Командир, – обратился из строя дядя Женя, – кто ж командовать будет, если ты вдруг тут останешься? Может, с "сапогом" оставить меня с расчетом? Я их на днях обучал, "морковку" в "сапог" запихнуть сумеют...

– Вот именно, что они только что заряжать научились! А тут нужно будет подпустить близко и вдарить наверняка – второго выстрела не будет... Скорее всего!.. Ничего, новые родятся командиры! А пацанам-малолеткам пожить ещё недурно бы! Это мы с тобой старые пердуны... Да, дядь Женя? Итак, ты ко мне, остальные – бэ-ка взяли и в посадку бегом, там рассредоточитесь... Бегом марш!

Петя, схватив дополнительные коробки с лентами и запасной ствол к пулемёту, побежал тяжёлой походкой через заснеженное поле. Теперь и он слышал надсадный вой двигателей приближающихся танков, но его все не оставляло ощущение, что это происходит во сне, не по-настоящему. Рядом тяжело дышал на бегу Саня, впереди быстро удалялся Змей. Бежать было с полкилометра, но преодолели это расстояние неожиданно легко, несмотря на тяжесть вооружения и боеприпасов.

В лесопосадке Петя плюхнулся, разгоряченный, в снег,

как будто хотел остудиться.

– Нет, поглубже в посадку, – подсказал оказавшийся рядом Саня.

Углубились ещё метров на пятьдесят, пока блокпост не стал еле виден между стволами деревьев. Опять залегли, Петя нашел-таки положение, с которого блокпост и подступы к нему были хорошо видны.

Поблизости обустроились бойцы из расчета СПГ со своими автоматами.

Время тяжело тянулось в ожидании, и Петя начал уже замерзать, когда услышал шепот Сани: "Идут!"

Взглянул в сторону блокпоста, но ничего не увидел, перевёл взгляд в сторону, откуда приближался навязчивый звук двигателей, долго всматривался между стволов, – и действительно, танки! Ехали прямо по дороге, не таясь, один за другим, – сосчитать их он не смог из-за деревьев – на броне сидела пехота, следом ещё и несколько БМП, тоже с пехотой. А блокпост всё сохранял молчание. Время опять потянулось медленно, только тянулись теперь не минуты, а секунды. Танки открыли огонь первыми. Беззвучно вырос перед первым из них огромный желто-алый цветок пламени, через секунду на блокпосте рванулся небольшой, казалось, столбик земли, тотчас окутавшийся облаком пыли, а ещё через секунду-другую раскатисто громыкнули друг за другом выстрел и разрыв снаряда. Другие танки тоже принялись беспорядочно "работать" по блокпосту, снаряды ложились в

немногочисленные разрушенные постройки и вокруг них, но Петя с радостью отметил, что кювет с кустарником, где был замаскирован СПГ – и где были, очевидно, командир и дядя Женя – остаётся нетронутым. Сделав в общей сложности с полтора десятка выстрелов танки, казалось, успокоились и продолжили ехать колонной на блокпост. И вот, когда им до него оставалось не больше чем до лесополосы, из кювета на глазах у Пети бесшумно вылетела реактивная граната-“морковка”, оставляя за собой дымный след. Петя даже успел услышать её свист, когда она ткнулась в первый танк. Танк с мгновение продолжал ехать, словно ничего не заметив, и вдруг из него рванулся вверх чудовищный столб пламени, унося с собой на десятки метров тяжёлую башню. Оглушительно ухнул мощный взрыв. Остальные танки и БМП затормозили, смешались, разъезжаясь в разные стороны, с них посыпалась на землю пехота и побежала зачем-то в сторону их посадки, возможно, желая найти там укрытие. Танки и БМП, словно опомнившись, принялись беспорядочно стрелять в сторону блокпоста, на этот раз попадая и в кювет, который они теперь не могли не видеть. Петя насчитал туда три прямых попадания, после чего перестал считать. Он теперь смотрел на быстро приближающуюся пехоту – их было очень много.

– Блин, что нам с ними делать? – услышал Петя перепуганный голос Сани и вспомнил слова командира, что "малолеткам ещё пожить недурно бы".

– Сваливай, я прикрою, – неожиданно для самого себя громко и четко скомандовал Петя, целясь в приближающегося противника – его теперь занимал вопрос, когда лучше начать стрелять, сейчас или подпустив поближе. Он краем глаза заметил убегающих после его команды бойцов расчета СПГ, а Саня ещё какое-то мгновение думал, потом тоже бросился бежать. Петя опять взглянул на приближающуюся пехоту – вот теперь-то он действительно не отступит! жалко Светка не видит! – и принялся поливать врага длинными очередями. Пехота немедленно залегла, попадав в снег. Лента, однако, неожиданно быстро закончилась. Петя открыл дымящуюся крышку пулемета и принялся заряжать другую, когда совсем близко грохнул разрыв, в ушах зазвенело. Придя в себя через пару секунд, Петя упрямо продолжил заряжать ленту, когда разрыв повторился ещё ближе – хотя куда уже было ближе? Сквозь оглушительный звон в ушах он успел вспомнить, как в детстве запросто разговаривал в трудную минуту с Богом. Успел попросить, чтобы ребята смогли убежать, чтобы Светка с дочками как-нибудь устроились, и ещё попросить прощения, что тогда сказал Худому, что не верит, – теперь-то ведь он верит! Вот теперь!